

А. И. ТУРГЕНЕВ

**О Карамзине и молчании о нем
литературы нашей**

Ты прав: негодование твое справедливо. Вот уже скоро год, как не стало Карамзина, и никто не напомнил русским, чем он был для них¹. Журналисты наши, исчислив кратко, впрочем, не безошибочно, труды его и лета жизни, возвестив России, что наставника, дееписателя, мудреца ее не стало, исполнили долг современных некрологов; но не умели и хотели воспользоваться правом своим возбуждать народное внимание, народное чувство к важным событиям в государстве. Конечно, в числе особенностей нашей словесности можно поставить и судьбу ее преобразователя, единственного полного представителя не нашего, но европейского просвещения в России, соединенного в нем с познанием всего отечественного, с познанием, коему можно уподобить только одну любовь его к отечеству. И сей великий сын России, любивший судьбу ее, и в первом мерцании нашей славы воинской, при Игоре и Святославе, и в годину искушения, при Ольговичах и татарах, и во время внутренних преобразований, при Годунове и Петре, и в блестящий век Екатерины и Александра, и наконец умиравший с любовью в сердце и с верою в будущее постепенное возрождение империи — Карамзин не имеет еще ценителя ни главного труда его, ни других бессмертных его заслуг, оказанных России и языку ее. По сию пору один государь, представитель народной благодарности, указал Карамзину место его в храме славы. Между тем, как во Франции часть населения Парижа подвиглась на погребение генерала-оратора (*Фуа*²); в Англии, в журналах оппозиции и министерских, ежедневно извещают публику (*письмо сие было писано во время болезни Каннинга*) об успехах выздоровления министра — у нас, кто по сию пору прервал гробовое молчание о Карамзине? Кто из нас положил цветок на уединен-

ную могилу его? Мы, жившие его жизнью, страдавшие его страданиями, мы, одолженные ему лучшими благами ума и души, что мы сделали? Опустили его в могилу, бросили горсть земли на землю его и смолкли, как умершие.

Ты обвинял меня в бездействии, в самое то время, когда я собирался писать в «Немецкие ученые ведомости» написанное мною возражение на одну рецензию, в «Лейпцигской Ученой Газете» напечатанную, в которой Карамзина хвалили за его историю и хулили за чужие ошибки. Жалею о Карамзине и о друзьях славы его, что не им, а мне досталось защищать его. Уступил бы им охотно в этом и остался бы при единственном сокровище, которого у меня, как у Карамзина, никто не отнимет, остался бы при моей любви к его памяти, при моей к нему благодарности, при воспоминании о последней, тихой минуте его жизни.

Мое письмо было пространнее, но, перечитав его в тишине сердца, выключил я из него все выпадки на Лужницких старцев³ и все Карамзина недостойное. Да живет память его в каждом движении нашего сердца и в каждой строке о нем! Чем иным можем доказать нашу любовь к нему, как не жизнию его достойною, как не чувствами, подобными тем, кои сам питал он и к друзьям и к недругам, ненавидя порок, но любя и прощая всех⁴.

